

приметам его стиля требует точного отграничения индивидуально-типических примет от того, что имеет более широко употребление в литературном обиходе того времени».⁴⁸

Между тем в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой. Здесь сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и в особенности требования литературного этикета. Так, например, произведения одного и того же автора, но написанные в разных жанрах, могут отстоять друг от друга по особенностям стиля гораздо больше, чем произведения разных авторов, но написанные в одном жанре.

Влияние литературного этикета сказывается в том, о чем пишет автор. Летописец меняет манеру своего изложения в зависимости от того, говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года. В некоторых случаях он пишет на церковнославянском языке, в других прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. В меньшей мере, но те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести.⁴⁹

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Так, например, М. Д. Приселков, как мне представляется, весьма удачно определил характер стилистической обработки предшествующего летописного материала у сводчика 1212 г. «Сводчик 1212 г. несомненно принадлежал к числу реформаторов языка летописания, — пишет М. Д. Приселков. — Он ставил своей целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своей лексикой и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своей ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово „корста“ (гроб) он заменил в одном случае словом „рака“ (под 1015 г.), так как для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом „крест“, так как рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово „товар“ в значении „обоз“, „лагерь“, так что в рассказе о том, что князь послал глашатаев „по товаром“, он заменил слово „по товаром“ словом „по товарыщи“, что для данного места в общем не исказило смысла повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще значение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так, слово „ложница“ (в 1175 г.) он заменяет словом „постельница“; „прабошни черевы“ — „боты“ (1074 г.); „протопганный“ — „утлыи“ (1074 г.); „набдя“ — „кормя“ (1093 г.); „доспел“ — „готов“ (992 г.); „уста“ — „преста“ (1026 г.); „детеск“ — „мал“; „детищъ“ — „отроча“; „исполнить“ — „исправить“; „крьнетъ“ — „купить“; „клю-

⁴⁸ Там же, стр. 24.

⁴⁹ См. нашу статью в настоящем томе (стр. 6 и сл.).